

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-3-110-129

Алек Д. ЭПШТЕЙН

Открытый Университет Израиля

Дерех ха-Университа ул., 1, Раанана, 4353701, Израиль

alekdep@gmail.com

Армия и общество в Государстве Израиль: прошлое, настоящее и вероятные векторы будущего

АННОТАЦИЯ. Израиль известен как государство, в котором армия играет особо важную роль, гарантируя само выживание страны, с фактом существования которой до сих пор не смирилось большинство её соседей по региону Ближнего и Среднего Востока. Естественно поэтому и традиционное восприятие израильской политической элиты как в значительной мере сформированной из отставных военных, преимущественно высшего ранга. Однако это восприятие не соответствует нынешним стратегическим и политическим реалиям. Уже более сорока лет Армия обороны Израиля, в которой по разным причинам не служит около половины граждан страны, не вела боевых действий против регулярных армий каких-либо стран. В настоящее время руководство Израиля поддерживает беспрецедентно высокий уровень военно-политических отношений и с американскими, и с российскими коллегами. Основной угрозой безопасности страны является не возможность новой полномасштабной войны, а террористическая деятельность незаконных вооружённых формирований, преимущественно, хотя и не только, исламистского толка. Статус высших офицеров в израильском обществе остается высоким, однако он существенно снизился за последние годы: среди десяти нынешних членов военно-политического кабинета лишь один – генерал в отставке, занимающий

при этом в правительстве сугубо гражданский пост; среди реальных претендентов на пост премьер-министра отставных офицеров высокого ранга нет вообще.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Армия, деполи-тизация, арабо-израильские войны, милитаризация, гражданский контроль, контртерроризм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Эпштейн А.Д. (2017). Армия и общество в Государстве Израиль: прошлое, настоящее и вероятные векторы будущего. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (3). 110-129. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-3-110-129

Автор благодарит Андрея Кожевникова за существенную редакторскую помощь при работе над текстом настоящей статьи.

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-3-110-129

Alek D. EPSTEIN

Open University of Israel

1, Derekh ha-Universita St., Ra'anana, Israel, 4353701

alekdep@gmail.com

Army and Society in Israel: Past, Present and Vectors of the Future

ABSTRACT. *Israel is largely considered to be a nation greatly marked by the vital role of the military that ensures the very existence of the state whose independence is something that most of the neighboring nations in the Middle East region still cannot accept. Naturally, the Israeli political elite is traditionally believed to be made up of mostly retired high-ranking military personnel. However, that view has nothing to do with the actual strategic and political reality. Over the last forty years, the Israel Defense Forces have not been involved in any war against foreign states and their regular armies, and due to various circumstances, one in two Israeli citizens does not actually serve in the military. Currently, the Israeli government officials maintain unprecedentedly stable and cooperative ties both with their American and Russian counterparts. The main threat to the national security is no longer a full-scale war but rather the terrorist activity perpetrated by illegal, mostly (but not exclusively) Islamist armed guerilla groups. High-ranking military personnel are still highly regarded in the Israeli society, though their social status has lowered dramatically in the recent years. Only one of the ten incumbent members of the Security Cabinet turns out to be a retired General Staff member who still happens to hold a civilian office within the government; moreover, none of the possible candidates for prime minister has an advanced military background.*

KEYWORDS: *Military, IDF, depoliticization, Arab-Israeli wars, civil militarism, civil control, counter-terrorism*

FOR CITATION: Epstein A.D. (2017). Army and Society in Israel: Past, Present and Vectors of the Future. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (3). 110-129. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-3-110-129

ACKNOWLEDGMENTS: *The author thanks Andrei Kozhevnikov for substantial editorial assistance in the work on the text of this article.*

Анализ отношений между армией, обществом и политической властью в Израиле нужно начать с того, что армия в этой стране возникла раньше, чем была провозглашена государственная независимость. Более того, в догосударственный период квазиармий в еврейской общине, боровшейся за свою государственность, было целых четыре, поэтому после провозглашения 15 мая 1948 г. государственного суверенитета армию нужно было не создавать с нуля (как, например, нужно было с нуля создавать не существовавшие вне рамок британского мандата Верховный суд и Центральный банк), а приспособить под новые условия то, что уже существовало и даже имело опыт активных боевых действий, причем, к несчастью, хоть и опосредованно, не только против внешних врагов, но и друг против друга. Для солидаризировавшихся с социал-демократическими партиями «Хаганы» [«Оборона»] и ПАЛЬМАХа (аббревиатура словосочетания Плугот махац – «Ударные роты») британские власти одновременно

были и защитниками (от гитлеровского нацизма), и противниками (ограничивавшими еврейскую иммиграцию в страну даже в годы Холокоста и после окончания войны), в то время как боевые формирования правых, ЭЦЕЛ (аббревиатура слов Иргун цваи леуми – «Национальная военная организация») и ЛЕХИ (аббревиатура слов Лохамей херут Исраэль – «Борцы за свободу Израиля») воспринимали англичан исключительно как врагов, в 1945–1947 гг. ведя против них полноценную партизанскую войну. Первый тезис, который важно помнить применительно к рассматриваемой в настоящей статье теме, состоит в том, что в связи с острейшими политическими и идеологическими противоречиями переход к государственной независимости Израиля в 1948 г. мог оказаться сопряженным с гражданской войной внутри самой еврейской общины; в этой общине существовали структуры армейского типа, воспринимавшие иные аналогичные организации как враждебные. Именно поэтому первая задача, которая стояла перед руководителями так называемого «государства в пути», состояла в том, чтобы как можно быстрее объединить четыре квазиармии, у каждой из которых было свое командование, ориентировавшееся на близкие ему политические силы, в единое целое.

Задача эта ни с какой стороны не была простой, ибо очевидно, что никакая из вышеназванных боевых организаций не желала самоликвидироваться добровольно, не говоря уж о том, что каждая политическая сила, стоявшая за ними, отлично понимала, что потеря собственной силовой структуры сделает её куда более уязвимой и значительно менее влиятельной. Первым стрельбу по боевым отрядам своих политических оппонентов

открыл Давид Бен-Гурион, приказавший 22 июня 1948 г. обстрелять у берегов Тель-Авива корабль ЭЦЕЛЯ «Альталена». Погибли шестнадцать человек, четырнадцать из которых были беженцами, пережившими Холокост¹ и убитыми по приказу главы правительства созданного за месяц до этого еврейского государства. Д. Бен-Гурион, однако, верно осознавал, что политические лидеры правых не делают ничего, что может поставить под угрозу многовековую мечту о еврейском государстве. После расстрела «Альталены» командир ЭЦЕЛЯ Менахем Бегин клялся, что «не будет гражданской войны, когда враг стоит у ворот!» Эта клятва почти на три десятилетия отправила его в оппозицию, оставив Д. Бен-Гуриону и его соратникам и наследникам всю полноту государственной власти. Тот факт, что в первый же день своего создания Государство Израиль было атаковано армиями пяти арабских государств, всех четырех пограничных – Египта, Иордании, Сирии и Ливана, а также Ирака² – оказался важнейшим цементирующим фактором внутреннего единства: не было никакой гарантии, что сообщца удастся выстоять против этого нашествия извне, но было совершенно очевидно, что в отсутствие тотальной мобилизации и объединения выстоять не удастся точно.

Арабские государства пошли войной на Израиль по разным причинам, да и их руководители приняли решения о вторжении в разное время, вследствие чего анти-израильский фронт ни в коей мере не был единым³, однако суммарные возможности пяти арабских государств как с точки зрения живой силы, так и военной техники в разы превосходили возможности только возникшего еврейского государства. Второй тезис, на котором важно за-

1 Этой трагедии посвящена обстоятельная монография: (Auerbach, 2011).

2 О ходе Войны за независимость Израиля и её итогах см. книгу, написанную шестым президентом этой страны: (Игаль, Хаим, 2004, с. 202–342).

3 См. фундаментальную монографию ведущего историка арабо-израильского конфликта: (Benny, 1948).

острить внимание, состоит в том, что, несколько парадоксальным образом, именно созданная арабскими странами угроза стала основным фактором, сформировавшим единые израильские вооружённые силы, во-первых, и в значительной мере цементирующим внутреннее единство израильского общества, весьма неоднородного с культурной, языковой, религиозной и иных точек зрения, во-вторых. Несмотря на то, что за прошедшие почти семьдесят лет во всех граничащих с Израилем арабских странах, кроме Иордании, политический режим сменялся неоднократно, причем кардинальным образом, неурегулированность арабо-израильского конфликта и постоянная угроза военной конфронтации побуждает израильское общество не просто к сплочению, но к сплочению вокруг своей армии, которая воспринимается как основной гарант выживания государства и сохранения его независимости⁴.

Создание единых вооружённых сил, получивших название Армии обороны Израиля, проходило под лозунгом деполитизации. Постулировалось и повторялось, что в эпоху государственности вооружённые силы не могут служить каким бы то ни было политическим целям, выражая интересы отдельных секторов и групп общества вне зависимости от их идеологических устремлений. Утверждение об «объединении путем деполитизации» фигурирует в большом количестве книг и статей, посвященных формативному периоду израильской армии⁵. Это утверждение, однако, больше запутывает, чем помогает понять: оно могло бы быть верным, если бы все четыре существовавшие военизированные структуры были распущены и армия нового государства создавалась бы с нуля. В действительности, однако, все происходило иначе:

ПАЛЬМАХ, ЭЦЕЛ и ЛЕХИ были распущены уже в 1948 г., тогда как «Хагана» стала тем остовом, вокруг которого выстраивалась израильская армия, в официальном названии которой, как уже было упомянуто выше, слово «Хагана» было включено. Большинство высших офицеров Генерального штаба Армии обороны Израиля были рекрутированы именно из штаба «Хаганы». Впоследствии, 29 лет спустя, командир ЭЦЕЛ Менахем Бегин стал шестым премьер-министром Государства Израиль, но не случайно его приход к власти исключительно в результате всеобщих демократических выборов носит в израильской истории название «переворот». В первые три десятилетия израильской государственности выходцы из ЭЦЕЛ и ЛЕХИ мало на что могли рассчитывать, особенно в силовых структурах, где к ним относились с нескрываемым недоверием. Бойцы и командиры ПАЛЬМАХа, связанные с Объединенной рабочей партией (МАПАМ) – главными конкурентами социал-демократов в парламенте первого созыва – также воспринимались как политическая проблема, поэтому отдельные отряды ПАЛЬМАХа, расформированные⁶ осенью 1948 г., более никогда не воссоздавались, несмотря на то, что, исходя из сугубо тактических соображений, их существование, безусловно, было оправданным. Когда силовая структура своими руками расформировывает собственные отряды спецназа, то причины этого явно лежат вне непосредственно военной логики. Третий тезис, который важно иметь в виду, поэтому состоит в том, что под покровом декларируемой деполитизации в формативный период существования израильской армии был принят ряд сугубо политических решений, которые были призваны гарантировать

4. Посвященная этой теме монография, изданная более сорока лет назад, и поныне не потеряла своей актуальности: (Luttwak, Horowitz, 1975).

5. Одним из первых на этом заострил внимание Йорам Пери более тридцати лет назад; см.: (Peri, 1984, p. 46–63).

6. См. обсуждение этой темы в статье: (Gelber, 1991, p. 193–215).

прежде всего безусловную лояльность армии органам гражданской власти, прежде всего правительству страны. Сказанное не обязательно означает, что генералитет поголовно формировался по признаку политической лояльности, но несомненно, что политическая лояльность социал-демократической партии, под разными названиями (МАПАЙ – «Авода» [Партия Труда] – «Маарах»), остававшейся правящей на протяжении почти трех десятилетий, очень способствовала карьерному продвижению одних офицеров в обход других.

Данный факт имеет отнюдь не чисто историческое значение: после того как нынешний глава правительства Израиля Биньямин Нетаньяху в 1996 г. занял свой пост и заявил о стремлении уйти от продемонстрировавшей свою нежизнеспособность логики «процесса Осло», целый ряд высших офицеров фактически саботировал политику правительства, программа которого не соответствовала их собственным идейно-политическим убеждениям, сформировавшимся в период доминирования социал-демократов. Известный израильский политолог профессор Йорам Пери даже охарактеризовал поведение высшего генералитета перед выборами 1999 г. как «путч»⁷, который оказался весьма успешным: Биньямин Нетаньяху вынужден был уйти в отставку, а его пост занял возглавлявший тогда Партию труда генерал армии в отставке Эхуд Барак, в разное время возглавлявший военную разведку, Центральный военный округ и Генштаб Армии обороны Израиля.

В последние годы политические взгляды высшего генералитета отличаются существенно большим многообразием, вследствие чего можно на самом деле го-

ворить о внеполитизированном характере армейского руководства, однако путь к этому занял более полувека⁸, в течение которых главами правительств Израиля были руководители ЭЦЕЛ и ЛЕХИ Менахем Бегин и Ицхак Шамир и их политические наследники Ариэль Шарон, Эхуд Ольмерт и Биньямин Нетаньяху. Четвертый тезис можно поэтому сформулировать следующим образом: чем дальше Израиль уходил от фактически однопартийного режима Партии труда и её сателлитов, тем больше его армия соответствовала тому идеалу деполитизации, который был начертан на её знаменах с момента её создания.

Пожалуй, ни в какой другой стране границы между армией и обществом не были проницаемыми настолько, как это было в Израиле на протяжении достаточно долгого времени⁹. Израиль был – и остается – едва ли не единственной страной, где девушки по достижении восемнадцатилетнего возраста подлежали обязательному призыву на военную службу наравне с юношами, с той лишь разницей, что срок их службы составлял не три, а два года. Обязательный призыв в армию как юношей, так и девушек сохранялся на всем протяжении израильской истории, не отменен он и поныне. Кроме того, для значительного большинства мужчин демобилизация после трех лет службы совсем не означала прощания с армией, ибо на резервистские сборы их продолжали призывать ежегодно, причем срок резервистской службы составлял от двух до четырех недель – и так до достижения 55 лет!

В последние десятилетия произошли существенные перемены. Во-первых, в отличие от солдат срочной службы резервистам государство покрывало и покрыва-

7 См.: (Peri, 2006). Основные тезисы пятой главы этой книги, озаглавленной «Демократический путч 1999 года», её автор впервые представил в своем докладе (на языке иврит) на ежегодной конференции Израильской ассоциации политологов, прошедшей в Университете Бар-Илан (г. Рамат-Ган) в июне 1999 г., спустя месяц после выборов.

8 См.: (Эпштейн, Марченко, 2002а, с. 227–247).

9 См.: (Лиссак, 2007, с. 233–258).

ет их среднюю заработную плату за весь период пребывания на сборах, что, естественно, стоит бюджету весьма солидных сумм; именно соображениями экономии, больше, чем чем-либо другим, объясняется существенное сокращение количества и продолжительности резервистских сборов, а также значительное снижение максимального возраста призыва на резервистскую службу.

Во-вторых, существенный рост ультра-религиозного еврейского населения, в подавляющем большинстве своем не призывающегося на военную службу, равно как и рост доли девушек, отказывающихся от призыва преимущественно по религиозным, хотя иногда и по другим соображениям, привели к тому, что до трети израильтян призывного возраста в армии не служат. В 1990-е годы, когда «процесс Осло» и подписание мирного договора с Иорданией создали иллюзию скорого урегулирования всего комплекса проблем, традиционно объединяемых под словосочетанием «арабо-израильский конфликт», среди образованного городского населения преимущественно Тель-Авива и его северных пригородов получил распространение феномен уклонения от воинской службы в связи с тем, что она вот-вот лишится своей актуальности и «жалко тратить на неё несколько лет жизни», однако крах переговоров Э. Барака и Я. Арафата и начало второй интифады в 2000 г. изменили ситуацию весьма существенным образом. И всё же среди еврейского населения доля юношей призывного возраста, начинающих служить в армии (часть из них позднее демобилизуются досрочно), сократилась с 77,2% в 2004-м до 71,9% в 2016 г., доля девушек – с 60,2% в 2004-м до 58,1% в 2016 г.¹⁰

Если вспомнить о том, что в израильскую армию призываются (в обязательном

порядке) друзья¹¹ и (по их желанию) бедуины, но крайне редко арабы-христиане и мусульмане¹² (а доля двух последних групп в населении Израиля в релевантной возрастной когорте составляет около 20%), то становится очевидным, что из граждан Израиля восемнадцатилетнего возраста в армию не призывается около половины. Нужно вспомнить и о том, что среди новых иммигрантов подлежат призыву молодые люди, прибывающие в Израиль в возрасте моложе 24, а девушки моложе 17 лет; как следствие, значительное большинство выходцев из бывшего Советского Союза, Франции, Аргентины, Эфиопии и других стран, прибывших в еврейское государство в последние полвека, в Армии обороны Израиля никогда не служили. Их дети, конечно, получали и получают призывные повестки, но среди более старшего поколения иммигрантов, сразу же по прибытии получающих израильское гражданство, а ещё через три месяца – право на участие в выборах, опыт армейской службы в Израиле имеют не многие. Пятый тезис поэтому состоит в том, что израильская армия более, чем какая-либо другая, может быть названа общенародной, но все же доля граждан, для которых она не является «школой жизни» (так её в свое время назвал Д. Бен-Гурион), за последние десятилетия выросла в разы.

Рассмотрение темы «армия и общество» невозможно без анализа отношений армии и политической власти, пусть даже эта власть избирается обществом и действует от его имени. В основе деятельности каждого из органов гражданской власти лежит некая институциональная логика, существенно отличающаяся от таковой логики силовых структур, в частности армии. Органы власти любой стра-

10 Данные извлечены из Ежегодного отчета Управления личного состава Армии обороны Израиля, опубликованного в ноябре 2016 г. (на языке иврит).

11 См.: (Frisch, 1993, p. 51–67).

12 См. книгу, написанную на основе глубинных интервью с более чем семьдесятю арабами и бедуинами – солдатами Армии обороны Израиля: (Kanaaneh, 2008).

ны бояться быть свергнутыми собственными силовиками; в пограничных с Израилем государствах подобное последний раз случилось в июле 2013 г., когда главнокомандующий египетской армии А.Ф. ас-Сиси сверг лишь за год до этого избранного президентом Египта М. Мурси, отправив его из президентского дворца напрямую в тюрьму. Очевидно, что подобной судьбы боится любой глава государства, которого не может не беспокоить вопрос о том, какие именно механизмы, как правовые, так и неформальные, могут способствовать сохранению демократической формы правления вне зависимости от того, нравится ли генералитету избранное большинством населения руководство или нет.

Несколько парадоксальным образом в Израиле, где вообще нет конституции, Основной закон об армии, декларирующий её подчиненность правительству, был принят только в 1976 г., то есть спустя более чем четверть века государственного суверенитета. Очевидно, что данный закон ничего в практическом плане не изменил: армейское командование было подотчетно правительству до его принятия не в меньшей мере, чем после этого, однако в отдельные моменты израильской истории генералитет играл центральную роль в принятии судьбоносных решений; более всего это проявилось в конце мая – начале июня 1967 г. В обстановке, когда тогдашний президент Египта Г.А. Насер ежедневно и ежечасно грозился «сбросить Израиль в море», добившись при этом изгнания защищавших еврейское государство от потенциального египетского вторжения с Синайского полуострова войск ООН и подписав соглашение о совместном ведении боевых дей-

ствий с королем Иордании, представители высшего генералитета Армии обороны Израиля вначале фактически добились смещения главы правительства Леви Эшколя с занимаемого им одновременно поста министра обороны, а потом, после того как этот пост занял бывший начальник Генерального штаба Моше Даян, убедили Эшколя в том, что превентивный удар по египетским аэродромам является совершенно необходимым шагом и единственной гарантией самого выживания государства перед угрозой нападения извне¹³. Этот случай является, очевидно, скорее исключением, чем правилом, однако то огромное значение, которое имела Шестидневная война в июне 1967 г. и которое и поныне имеют её последствия (а именно тогда Израилем были заняты Восточный Иерусалим, включая Старый город, Иудея, Самария и Иорданская долина, международно-правовой статус которых не урегулирован до сих пор)¹⁴, позволяет в полной мере оценить, как высшие офицеры израильской армии изменили весь ход ближневосточной истории¹⁵.

С другой стороны, нельзя забывать и о достаточно массовом феномене отказа от службы в Ливане в ходе войны 1982–1985 гг.¹⁶ и на так называемых «контролируемых территориях» после начала в 1987 г. первой палестинской интифады¹⁷. Около четырехсот человек, в большинстве своем представители младшего командного состава, были судимы за отказ от службы в Южном Ливане и на территориях Иудеи, Самарии и сектора Газа, ибо, по мнению этих людей, оккупация Израилем этих земель не соответствовала подлинным национальным интересам государства, а, напротив, приводила к

13 См.: (Gluska, 2007).

14 См.: (Эпштейн, Урицкий, 2003, с. 72–84).

15 Только что была издана новая масштабная монография, посвященная этой войне и её итогам: (Laron, 2017).

16 См.: (Линн, 2008, с. 344–372).

17 См.: (Linn, 1996).

эрозии его демократического характера и тех нравственно-политических принципов, на которых оно зиждилось. Наиболее резонансным в этой связи в дни Первой ливанской войны был публичный отказ от продолжения службы тогдашнего начальника Академии Генерального штаба генерала Амрама Мицны¹⁸, что не помешало ему впоследствии быть избранным мэром Хайфы – третьего самого крупного города Израиля – и председателем Партии труда и её кандидатом на пост главы правительства страны в 2003 г. Именно это оправдывает шестой тезис, гласящий, что израильская армия и её офицерский корпус остаются вне политики до тех и только до тех пор, пока они не сочтут, что на карту поставлена сама судьба страны или её основополагающие ценности; когда такой момент наступает, израильские офицеры способны и готовы проявить инициативу и решительность не меньшие, чем те, которыми они славились на полях сражений, – и правительство не может не считаться с этим.

Каким бы лаконичным ни был Основной закон об армии, в отсутствие какого-либо другого нормативно-правового акта, регулирующего отношения армии и власти в Израиле, он заслуживает как можно более внимательного рассмотрения. В политико-правовом устройстве Государства Израиль пост президента был и остается преимущественно церемониальным¹⁹; для девяти из десяти государственных деятелей, занимавших его на всем протяжении израильской истории, это был последний пост, на котором они находились, пытаясь символизировать «единство нации», сознательно отдаляясь для этого от любых политических споров и коллизий. Даже когда президентом Израиля был Эзер Вейцман, за-

нимавший в прошлом пост заместителя начальника Генерального штаба, а позднее – министра обороны, никакой существенной роли во взаимоотношениях с армейским командованием и в определении повестки дня вооружённых сил он не играл; тем более это верно про всех остальных. Однако постулировать, что президент не является главнокомандующим израильской армией, существенно проще, чем ответить на вопрос: а кто же им на самом деле является? Основной закон об армии гласит, что армия подчинена правительству, от имени которого ею руководит министр обороны. Из сказанного в этом законе следуют три совсем не очевидных вывода.

Во-первых, в Израиле в принципе нет единственного главнокомандующего, лишь правительство в полном составе является таковым. Учитывая, что в отдельные периоды численность членов правительства Израиля достигала тридцати, данную ситуацию сложно охарактеризовать иначе чем абсурдную, однако с формально-правовой точки зрения она была и остается именно таковой.

Во-вторых, хотя всем, казалось бы, очевидно, что, коль скоро министр обороны является одним из членов правительства, которое в полном составе подотчетно премьер-министру, Основной закон об армии не содержит никаких упоминаний о премьер-министре и его роли в отношении вооружённых сил. Считается как бы само собой разумеющимся, что глава правительства правомочен отдавать указания руководителям всех структур исполнительной власти, и в том числе министру обороны, однако это положение, глубоко укорененное в израильской политической культуре²⁰, не укоренено в букве закона, который, повторим, об этом не говорит вообще ничего.

18 См.: (Gal, 1985, p. 553–564).

19 Политико-правовой статус президента Израиля анализируется в монографии: (Воробьев, 2002, с. 254–267).

20 Израильский политолог Амир Бар-Ор использует отдельный термин *political-security culture*, который, однако, пока широкого распространения не получил, хотя и выглядит весьма обоснованным; см.: (Bar-Or, 2010, p. 259–279).

В-третьих, статьей 2(б) Основного закона об армии весьма своеобразно прописан статус министра обороны как руководящего вооружёнными силами от имени и по поручению правительства: значит ли это, что любое решение принципиального характера министр имеет право принять лишь в случае его одобрения полным составом кабинета министров, то есть, утрируя, могут ли министры сельского хозяйства, транспорта и, например, связи наложить вето на решение министра обороны, касающееся вооружённых сил? Все эти вопросы отнюдь не являются сугубо умозрительными, ибо в случаях, когда что-то пошло иначе, чем планировалось, политики склонны перекладывать ответственность друг на друга, и действующий в Израиле Основной закон об армии дает для этого все возможности²¹.

Иногда возникающие в связи с этим коллизии так и не получают адекватного разрешения; наиболее ярким примером в этой связи служат многолетние обвинения в адрес Ариэля Шарона, бывшего министром обороны Израиля на начальном этапе Первой ливанской войны, в том, что он не в полной мере информировал правительство и его главу Менахема Бегина о приказах, которые он отдавал²². Позднее появились и альтернативные точки зрения по данному вопросу²³, но в 1983 г., после резни, устроенной христианами фалангистами в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила, следственная комиссия, возглавлявшаяся тогдашним главой Верховного суда Израиля Ицхаком Каханом, постановила, что Ариэль Шарон, не предпринявший никаких мер для предотвращения этой траге-

дии, не может оставаться на посту министра обороны, что, однако, не вынудило его закончить политическую карьеру. За последующие восемнадцать лет Ариэль Шарон занимал самые разные посты, в том числе министра строительства, энергетики и инфраструктуры, и иностранных дел, а 6 февраля 2001 г. был на всеобщих выборах избран главой правительства страны²⁴. На этом посту в подчинении у А. Шарона естественным образом оказался и министр обороны, что создало очевидную коллизию: человек, про которого государственная следственная комиссия постановила, что он не может быть министром обороны, сам оказался над министром обороны начальником.

Несмотря на попытки политических противников премьер-министра оспорить это положение, в том числе в Верховном суде, который вынес целый ряд значимых вердиктов в вопросах безопасности в целом и в отношении отдельных назначений, в том числе высших офицеров в частности²⁵, какого-либо успеха им добиться не удалось, ситуация оставалась неизменной на протяжении почти пяти лет – до того самого момента, как обширное кровоизлияние в мозг не привело к завершению политической и фактически человеческой судьбы Ариэля Шарона. На протяжении этих пяти лет он оставался главой коллективного органа, который, согласно Основному закону об армии, только и является главнокомандующим израильской армией. Отсюда следует седьмой тезис, который нужно иметь в виду при анализе израильского опыта: существующие правовые регуляции, касающиеся статуса вооружённых сил и их от-

21 Видный израильский правовед и многолетний депутат парламента Иехуда Бен-Меир предпринял серьезную попытку разобраться в этих юридических коллизиях, но и его анализ оставляет больше вопросов, чем дает ответов; см.: (Ben Meir, 1995, p. 27–55).

22 Обвинения против А. Шарона красной нитью проходят через всю книгу об этой войне, написанную известными израильскими журналистами Зеэвом Шифом и Эхудом Яари; см.: (Schiff, Ya'ari, 1984).

23 См., например, (Schulze, 1998, p. 215–237).

24 Анализ итогов этих выборов посвящена наша статья: (Эпштейн, Марченко, 2002b, с. 190–208).

25 См.: (Cohen, 2014, p. 171–194).

ношений с политическим руководством страны, не позволяют понять специфику этих отношений, куда более укорененных в неформальных положениях политической культуры, чем в формальных юридических постулатах.

Леви Эшколь и Амир Перец с формальной точки зрения имели те же полномочия в качестве министра обороны, как и Моше Даян, Ицхак Рабин, Эхуд Барак, Шауль Мофаз и Моше (Буги) Яалон, в разные годы занимавшие тот же пост, однако тот факт, что все пятеро за несколько лет до того, как возглавили Министерство обороны, возглавляли Генеральный штаб, превращал их в людей существенно более влиятельных; в повседневном общении с высшими офицерами эти люди были несравнимо более компетентными, профессионально въедливыми, становясь своего рода начальниками-над-начальниками Генерального штаба. Нынешний министр обороны Авиغدор Либерман имеет очень солидный опыт работы в правительстве страны на различных министерских должностях, но из Армии обороны Израиля он демобилизовался в 1983 г. лишь в звании ефрейтора (впоследствии он призывался на резервистские сборы в артиллерийских войсках ежегодно до 1996 г., когда был назначен главой администрации премьер-министра Б. Нетаньяху).

С другой стороны, положение, при котором министрами обороны были отставные военные, демобилизовавшиеся из армии пусть и на генеральских, но не самых высших должностях, как, в частности, Эзер Вейцман (вершина его карьеры в армии – заместитель начальника Генерального штаба и командующий военновоздушными силами), Ицхак Мордехай (последовательно командовавший всеми тремя существующими в Израиле военными округами, но не поднявшийся выше),

Биньямин Бен-Элиезер (чья армейская карьера остановилась на посту военного коменданта «контролируемых территорий» Иудеи, Самарии и сектора Газа), порой приводило к коллизиям иного рода вследствие того, что глава Генштаба чувствовал определённое превосходство над отставными офицерами, мечтавшими, но не занявшими этот пост. Не раз и не два бывало, что руководители Генерального штаба и даже подчинённые им главы военной разведки и различных родов войск апеллировали непосредственно к премьер-министру «через голову» министра обороны²⁶. Хотя, повторим, с формальной точки зрения, у главы правительства нет никаких конкретных полномочий в отношении вооружённых сил, всем вовлеченным в эти контакты лицам было очевидно, что именно позиция премьер-министра окажет решающее влияние на то, останется ли то или иное решение министра обороны в силе, либо же оно будет пересмотрено. Отсюда непреложно вытекает восьмой тезис: хотя действующее в Израиле законодательство не наделяет главу правительства страны никаким руководящим статусом в отношении вооружённых сил, в реальности именно он является их главнокомандующим.

Читатели и слушатели всевозможных выпусков новостей, в которых обсуждается израильская тематика, привыкли к словосочетанию «военно-политический кабинет», а иногда и «тройка». Следует заметить, что ни в одной из изначально принятых трех редакций Основного закона о правительстве – ни в версии, принятой парламентом в 1968 г., ни в 1992-м (вступил в силу спустя четыре года), ни в 2001-м – эти органы даже не упоминались, хотя в действительности они, несомненно, имеют большое значение. В первую редакцию статьи 27 (б) этого Основного закона в 1991 г. была внесена

26 См.: (Peri, 2014, p. 195–222).

поправка, в которой говорилось о составе кабинета (межминистерской комиссии) по военно-политическим вопросам, но не о его полномочиях, однако в последующих редакциях не было и этого, и это несмотря на то, что впервые де-факто «военно-политический кабинет» был создан в Израиле ещё в октябре 1973 г., в тяжелейшие дни Войны Судного дня.

В дополнение к имеющему конституционный статус Основному закону о правительстве в 2001 г. был принят ещё один Закон о правительстве, вступивший в силу 28 февраля 2003 г., и только в статье 6 этого правового акта зафиксирована необходимость создания межминистерской комиссии по вопросам национальной безопасности. Состав этого органа конкретизирован в Законе лишь частично, но указано, что он возглавляется лично премьер-министром, а число его членов не может превышать половины состава правительства. При этом в законе используется именно термин «межминистерская комиссия», а не «кабинет», хотя массовое использование в средствах массовой информации получило именно последний. Согласно ст. 6 Закона о правительстве, в эту комиссию входят все ведущие министры – обороны, иностранных дел, юстиции, внутренней безопасности и финансов, а также иные, лично назначенные премьером. В русском языке слова «правительство» и «кабинет» воспринимаются как взаимозаменяемые синонимы, однако в Израиле первый термин относится к правительству в полном составе, тогда как второй правильнее было бы перевести как «президиум правительства», тогда как «тройка» – «бюро президиума».

Существование «тройки» не предусмотрено вообще никаким законом, и создавалось такое бюро президиума правительства далеко не всегда: если в дни первой масштабной антитеррористической операции «Литой свинец», проведенной Израилем в секторе Газа в декабре 2008 – январе 2009 г., «тройка» в составе главы

правительства Эхуда Ольмерта, министра обороны Эхуда Барака и министра иностранных дел Ципи Ливни была фактически высшим органом власти в стране, осуществлявшим политико-стратегическое, если не оперативно-тактическое руководство деятельностью Армии обороны Израиля и других силовых структур, то в настоящее время такой орган не существует вообще (частично в связи с тем, что глава правительства Биньямин Нетаньяху, начиная с 2015 г., занимает и пост министра иностранных дел).

Некоторые ошибочно считают, что в состав «военно-политического кабинета» входят те из членов правительства, которые имеют наибольший опыт в сфере обороны и иностранных дел. Учитывая, что иногда в составе правительства одновременно присутствовали четыре-пять отставных генералов, за плечами каждого из которых около тридцати лет военной службы, такое восприятие выглядит, казалось бы, логичным. В действительности, однако, все обстоит иначе: будучи на самом деле президиумом правительства, кабинет включает в себя лидеров всех коалиционных партий, безотносительно того, каким релевантным опытом обладает или не обладает каждый из них. Вследствие этого, вопреки здравому смыслу, опытные отставные военные и дипломаты, которые могли бы внести существенный вклад в поиск решений обсуждаемых проблем, даже будучи министрами и депутатами (а почти все члены правительства Израиля на протяжении всей истории страны были одновременно и депутатами парламента), не входили и не входят в состав кабинета, формируемого, повторим, по совершенно иному принципу. В настоящее время (согласно решению правительства №1477 от 1 июня 2016 г.) в состав кабинета де-факто входят одиннадцать министров, лишь один из которых – генерал в отставке, Йоав Галант, бывший командующий Южным военным округом, занимающий, однако, сугубо гражданский пост министра строительства.

Особенности формирования кабинета важны прежде всего потому, что они оказывают сильнейшее (и, как правило, негативное) влияние на его работу: входящие в него министры зачастую руководствуются не общегосударственными, а узкопартийными интересами, отстаивая то видение, которое соответствует программе возглавляемой ими партии. Сорок лет назад, когда делегация в составе премьер-министра М. Бегина, министра иностранных дел М. Даяна²⁷ (никогда не будучи членом «Ликуда», он был лично назначен на этот пост, подобно тому как президент-демократ Барак Обама оставил в 2009 г. на посту министра обороны республиканца Роберта Гейтса) и министра обороны Э. Вейцмана прибыла в США для ведения переговоров об условиях заключения мирного договора между Израилем и Египтом, сотрудники администрации Дж. Картера были потрясены тем, насколько различные позиции отстаивал каждый из трех израильских лидеров, двое из которых, заметим, были генералами в отставке: один из них в прошлом возглавлял Генштаб, другой был заместителем главы Генштаба²⁸. Аналогичным образом Э. Барак, А. Липкин-Шахак, Ш. Бен-Ами и Й. Бейлин (двое первых – начальники Генерального штаба в отставке) хотя и входили в состав одного правительства, в ходе переговоров с руководителями Палестинской администрации в Кемп-Дэвиде в июле 2000 г. и в последующие месяцы были готовы к уступкам весьма разной степени глубины²⁹.

Непосредственно отсюда вытекает девятый тезис, согласно которому, сменив военную форму на костюм профессионального политика, израильские офицеры,

хотя бы они того или нет, начинают играть по правилам, действующим в политической жизни страны – наравне со всеми остальными министрами и депутатами. Тот факт, что в составе правительства и Кнессета присутствовали и присутствуют довольно многие отставные военные, не формирует положения, при котором их опыт и компетенции способствуют тому, что именно их мнение в военных и военно-политических вопросах оказывается решающим. Отставные генералы определяют политику правительства в отношении вооружённых сил тогда и только тогда, когда им удается встать во главе кабинета или возглавить Министерство обороны; на всех остальных постах их роль в выработке и реализации политики в отношении армии и иных силовых структур практически ничем не отличается от роли их коллег-министров, никогда не служивших в армии или демобилизовавшихся после двух или трех лет обязательной службы.

В 1993 г. большую полемику вызвала статья ныне покойного профессора социологии Иерусалимского университета Баруха Киммерлинга о милитаризме в израильском обществе³⁰. Как представляется, эта полемика в значительной мере была бурей в стакане воды, ибо Б. Киммерлинг всего лишь назвал «милитаризацией общества» ровно то, что на протяжении нескольких десятилетий характеризовалось как «огражданствование армии»³¹. Является ли факт того, что сотни, преимущественно девушек, призванных на военную службу, поступали в распоряжение Министерства образования и направлялись давать уроки иврита новым иммигрантам, примером первого или второго? А существование под эгидой Армии обороны Израиля

27 См. политическую и военную биографию Моше Даяна: (van Creveld, 2004).

28 См.: (Quandt, 1986).

29 Об этом свидетельствуют другие участники переговоров с израильской стороны, прежде всего тогдашний министр иностранных дел Шломо Бен-Ами и секретарь правительства Гилад Шер. См., напр.: (Sher, 2006).

30 См.: (Kimmerling, 1996, p. 196–223).

31 См.: (Lissak, 1998, p. 417–432).

радиостанции, которая на протяжении десятилетий является наиболее популярной в стране? А примером чего является факт организации в последние годы в армии курсов по изучению еврейской истории, религии и культуры и последующему переходу в иудаизм для солдат, прибывших в Израиль в рамках действующего в стране с 1950 г. Закона о возвращении, но при этом не являющихся евреями согласно традиционному религиозному определению, принятому Министерством внутренних дел? Одни увидят в каждом из этих примеров признаки того, как в национально и конфессионально гетерогенном израильском обществе армия вносит свой вклад не только в обеспечение обороноспособности, но и в поддержание внутреннего единства общества, интеграцию иммигрантов, распространение новой культуры на языке иврит³², тогда как другие охарактеризуют каждый из этих примеров как противоестественную и крайне нежелательную экспансию армии в сферы, которые должны оставаться сугубо гражданскими.

Важно при этом отметить тот факт, что в Израиле невозможно сделать военную карьеру, минуя службу рядовым: ни в одно из военных учебных заведений, включая Академию Генерального штаба, невозможно попасть, не окончив за несколько лет до этого офицерские курсы, куда, в свою очередь, принимают исключительно тех, кто служит солдатами и сержантами. Израильский офицерский корпус – ни с какой стороны не каста, генералом может стать только тот, кто за пару десятков лет до этого отличился как простой солдат. С точки зрения их этнического, социального и конфессионального происхождения, израильские офицеры сегодняшнего дня адекватно представляют ту описанную выше примерно половину израильского общества, которая призывается в армию:

среди них есть как евреи, так и друзья и бедуины, как уроженцы Израиля, так и иммигранты в первом поколении, как те, чьи семьи или они сами прибыли из стран Европы, так и те, чьи бабушки и дедушки жили в Рабате и в Багдаде.

Многолетний опыт показывает, что десятилетия совместной службы в армии не приводят к формированию какого-либо единого политического мировоззрения офицеров, в том числе высшего звена, и это утверждение заслуживает того, чтобы быть выделенным как десятый тезис настоящей статьи. Отставных израильских военных можно встретить во всех израильских партиях, за исключением Коммунистической и иудейских ортодоксальных. Бытует мнение, согласно которому военным ближе националистические правые партии, однако израильский опыт свидетельствует едва ли не об обратном: политической силой, в составе которой больше всего отставных военных, в том числе и самого высокого ранга, стали депутатами и министрами, была и остается социал-демократическая левоцентристская Партия труда. Отставные военные в разное время возглавляли и многие другие израильские партии – от правящего ныне блока «Ликуд» [«Единство»] (Ариэль Шарон) и его младшего коалиционного партнера Национально-религиозной партии (бригадный генерал в отставке Эфи Эйтан), до ныне уже не существующих партий «Цомет» [«Перекресток»] (генерал армии Рафаэль Эйтан), «Третий путь» (бригадный генерал Авидор Кахалани) и Партия центра (генерал Ицхак Мордехай). Список отставных военных, сыгравших – и продолжающих играть – значимую роль в израильской политике, можно продолжать достаточно долго, однако в этом едва ли есть необходимость, ибо вышеприведенные имена наглядно свидетельствуют о том, что

32 Этот подход представлен в монографии: (Perlmutter, 1969).

как минимум после демобилизации израильские военные распределены по всему спектру общественно-политической жизни страны. Само по себе знание воинского звания того или иного человека никоим образом не поможет предсказать его политико-идеологические взгляды; достаточно напомнить, что наиболее резонансными представителями лагерей сторонников и противников возможного ухода Израиля с Голанских высот при условии достижения мирного урегулирования с Сирией в 1990-е годы были генерал в отставке Авидгор Бен-Галь и бригадный генерал в отставке Авидгор Кахалани, каждый из которых аргументировал свою позицию (противоположную позиции своего оппонента) собственным боевым опытом, полученным в том числе в ходе боёв непосредственно на Голанских высотах во время Шестидневной войны в июне 1967 г. и Войны Судного дня в октябре 1973 г.

Отношения между армией, обществом и властью в Израиле, разумеется, не исчерпываются кругом тем, представленным в настоящей статье, однако десять приведенных и обоснованных выше тезисов позволяют составить представление об особенностях этих отношений в еврейском демократическом государстве в сравнении с другими государствами, с которыми Израиль имеет смысл сравнивать. В завершение представляется уместным сделать несколько предположений относительно возможных будущих векторов, которые станут определяющими для динамики отношений армии, общества и власти в Израиле в обозримой перспективе.

Тот факт, что нынешний глава правительства Израиля Биньямин Нетаньяху демобилизовался из армии лишь в чине капитана, не помешал ему добиться при-

знания сограждан в качестве авторитетного специалиста в вопросах обороны и безопасности. В 1960-е – 1980-е гг. каждый выходивший в отставку начальник Генерального штаба армии и его заместитель (а заместитель у начальника Генштаба в Израиле в каждый момент времени всегда лишь один) воспринимались как потенциальные электоральные находки для любой партии: в стране, находящейся в состоянии перманентного противостояния и регулярных войн, люди, осуществлявшие оперативное командование армией, виделись наиболее компетентными экспертами, присутствие которых усиливало электоральную привлекательность каждой политической силы, к которой они захотели бы присоединиться³³. В настоящее время ситуация существенно изменилась, свидетельством чего является тот факт, что ни один из трех начальников Генерального штаба Армии обороны Израиля, демобилизовавшихся в последние десять лет – Дан Халуц, Габи Ашкинази и Бени Ганц, – не присоединился – или не был привлечен – ни к одной партии; никто из них не был избран депутатом и не стал министром. Сказанное верно и применительно к их демобилизовавшимся заместителям: генералам Моше Каплинскому, Дану Харелю и Яиру Наве. Статус высших офицеров в израильском обществе остается высоким, однако он существенно снизился за последние несколько десятилетий, и, по всей видимости, процесс этот необратим.

Ни один из политиков, в настоящее время претендующих на пост главы правительства Израиля, не является отставным военным высокого ранга. Возможно, что побороться за высший пост в стране попробует бывший начальник Генерального штаба и министр обороны Моше (Бути) Яалон, со скандалом покинувший

33 Впрочем, и в то «золотое» для отставных израильских военных время их интеграция в политическую систему страны порой была сопряжена с немалыми сложностями. См.: (Peri, 1983).

правительство в мае 2016 г., однако его шансы не выглядят излишне оптимистичными не только в связи с его уже достаточно преклонным возрастом. В кратко- и среднесрочной перспективе «нового» Ицхака Рабина, Эхуда Барака или Ариэля Шарона на политическом горизонте Израиля не просматривается.

Израильское общество, точнее, те его группы, которые в настоящее время призываются на службу в армию, будет и далее готово тратить существенную часть своей жизни на «отдачу долга родине», даже если своей «родиной» могут назвать Израиль отнюдь не все призывники. Вместе с тем шумные попытки добиться «призывного равенства» среди еврейского населения Израиля (о распространении призыва на военную службу на арабов-христиан и мусульман не говорит среди израильских руководителей вообще никто) едва ли будут иметь хоть какой-то реальный эффект: среди ультра-религиозного сектора по-прежнему будет доминировать уверенность в том, что глубокое изучение Библии и следование её заповедям обеспечивает безопасность страны в куда большей и лучшей мере, чем вооружённые силы; коль скоро главным защитником народа Израиля является непосредственно Всевышний, то именно служба Ему – лучший и самый действенный вклад в обеспечение безопасности. С этим мировоззрением бессмысленно спорить, и уж тем более над ним потешаться: право на свободу совести и религии оказывается выхолощенным, если граждане лишаются права жить согласно своим религиозным убеждениям, а они у ультраортодоксальных иудеев явно не изменятся, поэтому можно с высокой степенью вероятности предположить, что со-

циальные и этнорелигиозные характеристики контингента призывников израильской армии останутся в обозримой перспективе такими же, какие они сейчас.

После краха переговоров с руководителями ПНА, которые вели Эхуд Барак, а затем – Эхуд Ольмерт, в израильском обществе и его политической элите сформировался достаточно широкий консенсус о невозможности достижения в кратко- и среднесрочной перспективе никакого комплексного урегулирования с палестинскими арабами³⁴. Захват исламистским боевым движением ХАМАС власти в секторе Газа в июне 2007 г. привел к распаду Палестинской национальной администрации надвое, причем ненависть исламистов к режиму Махмуда Аббаса едва ли сильно ниже, чем их ненависть по отношению к израильтянам³⁵. За эти десять лет Израиль провел три весьма масштабные антитеррористические операции в секторе Газа: на рубеже 2008–2009 годов, в ноябре 2012 г. и летом 2014 г.³⁶. Хотя в каждый из этих периодов по территории Израиля были выпущены многие сотни, а в 2014-м – и несколько тысяч ракет, число жертв с израильской стороны оставалось весьма небольшим. В израильском обществе существует достаточно широкий консенсус относительно того, что следующая масштабная силовая операция против ХАМАСа в секторе Газа – лишь вопрос времени.

Справедливо, впрочем, напомнить, что точно такими же были чувства большинства израильтян в отношении шиитского террористического движения «Хизбалла» после окончания Второй израильско-ливанской войны 14 августа 2006 г.³⁷. С тех пор, однако, прошло более десяти лет, а Третья ливанская, кото-

34 Подробнее см.: (Эпштейн, 2016).

35 Подробнее см.: (Schanzer, 2008; Эпштейн, 2007).

36 О последней из этих антитеррористических операций, переросшей в достаточно масштабные боевые действия, см.: (Эпштейн, 2014).

37 См.: (Harel, Issacharoff, 2008)

рая казалась не просто вероятной, а более чем реальной тогда, за прошедшие годы так, к счастью, и не разразилась. Может быть, это случилось потому, что «Хизбалла» слишком занята ведением боевых действий в Сирии, однако они начались спустя шесть лет после окончания Второй израильско-ливанской войны, которые, впрочем, тоже были временем, когда на северной границе Израиля сохранялась пусть и очень напряженная, но тишина. Сказанное призвано подчеркнуть, что ощущение неминуемости следующего раунда вооружённого противостояния Израиля с ХАМАСом и «Хизбаллой» совсем не обязательно свидетельствует о его скором наступлении; новый раунд может начаться через считанные недели, но до него могут пройти и годы. В любом случае Израиль накопил достаточно большой опыт как контролируемой эскалации, так и контролируемой деэскалации противостояния с радикальными исламистскими боевыми организациями, который не приводит к вспышке масштабных боевых действий против какой-либо из приграничных с Израилем стран.

Несмотря на то, что Израиль воспринимается как постоянно воюющее государство, необходимо помнить о том, что с двумя странами, с которыми он имеет наиболее протяжённую границу – Египтом и Иорданией, – были подписаны мирные соглашения (в 1979 и 1994 гг. соответственно), которые, по крайней мере в сфере безопасности, неукоснительно соблюдаются. С Сирией такого соглашения у Израиля нет, однако последние боевые действия на израильско-сирийской границе имели место более сорока лет назад, в 1973 г. За этот период Израиль был вовлечен в две войны в Ливане, в 1982–1985 гг. и летом 2006 г., однако оба раза воевал не против правительства Ливана и его армии, а против неподконтрольных

ему незаконных вооружённых формирований: в первом случае ФАТХа и ООП³⁸, а во втором – «Хизбаллы». Все последние пять лет в Израиле внимательно следят за происходящим в Сирии, опасаясь атаки со стороны какой-либо из вовлеченных в конфликт исламистских сил, однако по настоящее время сирийская трагедия не оказывает практически никакого влияния на жизнь в Израиле. Межгосударственных войн между Израилем и кем-либо из его соседей не было с октября 1973 г., за исключением необъяснимых вероломных обстрелов территории Израиля Ираком в начале 1991 г., когда силы возглавляемой США коалиции вели операцию «Буря в пустыне» с целью освобождения Кувейта от иракской оккупации.

Очень важно отметить и то, что в настоящее время руководство Израиля – пожалуй, как руководство никакой другой страны мира, – поддерживает очень высокий уровень военно-политических отношений и с американскими, и с российскими коллегами (не введя и не присоединившись ни к каким санкциям), поэтому есть все основания рассчитывать на то, что и в случае обострения нового витка «холодной войны» Израиль, в отличие от эпохи Брежнева – Рейгана, не окажется на переднем крае противостояния сверхдержав.

Из всего вышесказанного следует, что основной угрозой безопасности Израиля является не возможность новой полномасштабной войны, а террористическая деятельность незаконных вооружённых формирований, преимущественно исламистского толка, с территорий Газы, Западного берега Иордана и Южного Ливана. Израильские силовые структуры накопили огромный опыт противостояния этой угрозе, которая, очевидно, будет с каждым годом становиться все больше, поскольку нет никаких при-

38 Это нашло адекватное отражение в заголовке посвященной этой войне книги: (Gabriel, 1985).

знаков того, что эти силы будут готовы смириться с существованием Израиля и стремиться к выстраиванию добрососедских отношений с ним. В условиях, когда на Ближнем Востоке (прежде всего, на территории Сирии и Ирака, но и в других местах) бушуют войны и конфликты, к которым Израиль не имел и не имеет никакого отношения, можно ожидать, что арабо-израильская проблематика будет постепенно отодвигаться на периферию международной геополитики и дипломатии: никаких прорывов здесь ожидать невозможно, но на удерживаемых им рубежах Израиль, по всей видимости, сможет успешно оставаться и дальше.

Список литературы

- Воробьев В.П. (2002). *Конституционно-правовая система Государства Израиль*. Москва: «Национальное обозрение». 319.
- Игаль А., Хаим Г. (2004). *Арабо-израильские войны*. Москва: издательство «АСТ». 507.
- Линн Р. (2008). Отказ от участия в военных действиях по морально-нравственным соображениям в ходе Первой ливанской войны. Нойбергер Б., Бен-Ами И., Эпштейн А.Д. (ред.). *Национальная безопасность и демократия в Израиле*. Том II. Раанана: Открытый университет Израиля. 344–372.
- Лиссак М. (2007). Особенности взаимоотношений между армией и гражданскими органами власти в Израиле. Нойбергер Б., Бен-Ами И., Эпштейн А.Д. (ред.). *Национальная безопасность и демократия в Израиле*. Том I. Раанана: Открытый университет Израиля. 233–258.
- Эпштейн А. Д. (2014). *От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооружённое сопротивление летом 2014 г.* Москва: Институт Ближнего Востока. 105.
- Эпштейн А. Д., Урицкий М. (2003). Шестидневная война и современная политическая динамика на Ближнем Востоке. *Восток*, 2. 72–84.
- Эпштейн А.Д. (2007b). *ХАМАС в региональной политике*. Москва: Институт Ближнего Востока. 191.
- Эпштейн А.Д. (2016). *Горизонты и миражи палестинской государственности*. Москва: Институт Ближнего Востока – издательство «Мосты культуры». 431.
- Эпштейн А.Д., Марченко В. (2002a). Достижения и неудачи «политики аполитичности»: армия, правительство и общество в Израиле. Ахмедов В. (ред.). *Армия и власть на Ближнем Востоке*. Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. 227–247.
- Эпштейн А.Д., Марченко В. (2002b). Необратимое поражение или временный кризис? Фиаско израильских левых на выборах 2001 года в сравнительно-исторической перспективе. *Ближний Восток и современность*, (13). 190–208.
- Auerbach J.S. (2011). *Brothers at War: Israel and the Tragedy of the Altalena*. New Orleans: Quid Pro. 174.
- Bar-Or A. (2010). The Making of Israel's Political-Security Culture. Sheffer G., Barak O. (eds.). *Militarism and Israeli Society*. Bloomington: Indiana University Press. 259–279.
- Ben Meir Y. (1995). *Civil-Military Relations in Israel*. New-York: Columbia University Press. 235.
- Benny M. (2008). 1948: A History of the First Arab-Israeli War. New Haven: Yale University Press. 544.
- Cohen A. (2014). Guardians and Guards: The Israeli Supreme Court's Political Role in Matters of National Security. Rosman-Stollman E., Kampinsky A. (eds.). *Civil-Military Relations in Israel*. Lanham, MD: Lexington Books. 171–194.
- Crevelde Martin van. (2004). *Moshe Dayan*. London: Weidenfeld & Nicolson. 224.
- Frisch H. (1993). The Druze Minority in the Israeli Military: Traditionalizing an Ethnic Policing Role. *Armed Forces and Society*, 20 (1). 51–67.
- Gal R. (1985). Commitment and Obedience in the Military: An Israeli Case Study. *Armed Forces and Society*, 11 (4). 553–564.

Gelber Y. (1991). Ben-Gurion and the Formation of the Israeli Defense Forces, 1947–1948. Zweig R. (ed.). *David Ben-Gurion – Politics and Leadership in Israel*. London: Frank Cass. 193–215.

Gluska A. (2007). *The Israeli Military and the Origins of the 1967 War: Government, Armed Forces and Defense Policy 1963–1967*. London: Routledge. 353.

Harel A, Issacharoff A. (2008). *34 Days: Israel, Hezbollah, and the War in Lebanon*. London: Palgrave Macmillan. 304.

Kanaaneh R.A. (2008). *Surrounded: Palestinian Soldiers in the Israeli Military*. Stanford: Stanford University Press. 224.

Kimmerling B. (1993). Patterns of Militarism in Israel. *European Journal of Sociology*, 34 (2). 196–223.

Laron G. (2017). *The Six-Day War. The Breaking of the Middle East*. New Haven: Yale University Press. 384.

Linn R. (1996). *Conscience at War. The Israeli Soldier as a Moral Critic*. Albany: State University of New-York Press. 262.

Lissak M. (1998). A Militaristic Society or a Democracy in Uniform. Bar-Tal D., Jacobson D., Klieman A. (eds.). *Security Concerns: Insights from the Israeli Experience*. Stamford: JAI Press. 417–432.

Luttwak E., Horowitz D. (1975). *The Israeli Army*. New York: Harper & Row. 461.

Peri Y. (1983). *Between Battles and Ballots: Israeli Military in Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 356.

Peri Y. (1984). Party–Military Relations in a Pluralist System. Lissak M. (ed.). *Israeli Society and Its Defense Establishment*. London: Frank Cass. 46–63.

Peri Y. (2006). *Generals in the Cabinet Room: How the Military Shapes Israeli Policy*. Washington: US Institute of Peace Press. 336.

Peri Y. (2014). Intentional Ambiguity: Why Do Crises in Relationships between the Defense Minister and the Chief of Staff Re-occur Repeatedly? Rosman-Stollman E., Kampinsky A. (eds). *Civil-Military Relations in Israel*. Lanham, MD: Lexington Books. 195–222.

Perlmutter A. (1969). *Military and Politics in Israel: Nation-Building and Role Expansion*. London: Frank Cass. 161.

Quandt W. B. (1986). *Camp David: Peacemaking and Politics*. Washington: The Brookings Institution. 538.

Richard A. (1985). *Operation Peace for Galilee: The Israeli – PLO War in Lebanon*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 250.

Schanzer J. (2008). *Hamas vs. Fatah: The Struggle for Palestine*. New York: Palgrave Macmillan. 256.

Schiff Z., Yaari E. (1984). *Israel's Lebanon War*. New York: Symon and Schuster. 320.

Schulze K.E. (1998). Israeli Crisis Decision-Making in the Lebanon War: Group Madness or Individual Ambition? *Israel Studies*, 3 (2). 215–237.

Sher G. (2006). *Israeli-Palestinian Peace Negotiations, 1999–2001: Within Reach*. London: Routledge. 296.

References

Auerbach J.S. (2011). *Brothers at War: Israel and the Tragedy of the Altalena*. New Orleans: Quid Pro. 174.

Bar-Or A. (2010). The Making of Israel's Political–Security Culture. Sheffer G., Barak O. (eds.). *Militarism and Israeli Society*. Bloomington: Indiana University Press. 259–279.

Ben Meir Y. (1995). *Civil–Military Relations in Israel*. New-York: Columbia University Press. 235.

Benny M. (2008). *1948: A History of the First Arab-Israeli War*. New Haven: Yale University Press. 544.

Cohen A. (2014). Guardians and Guards: The Israeli Supreme Court's Political Role in Matters of National Security. Rosman-Stollman E., Kampinsky A. (eds). *Civil–Military Relations in Israel*. Lanham, MD: Lexington Books. 171–194.

Creveld Martin van. (2004). *Moshe Dayan*. London: Weidenfeld & Nicolson. 224.

Epshtein A.D. (2014). *From an antiterrorist operation to war: Israel and Islamist armed*

resistance in the summer of 2014. Moskva: Institut Blizhnego Vostoka. 105.

Epstein A.D. (2007b). *HAMAS in the regional politics*. Moskva: Institut Blizhnego Vostoka. 191.

Epstein A.D. (2016). *Horizons and mirages of Palestinian statehood*. Moskva: Institut Blizhnego Vostoka – izdatel'stvo «Mosty kul'tury». 431.

Epstein A.D., Marchenko V. (2002a). Achievements and failures of the “politics of apoliticality”: the army, government and society in Israel. Akhmedov V. (red.). *Army and power in the Middle East*. Moskva: Institut izucheniya Izrailiya i Blizhnego Vostoka. 227–247.

Epstein A.D., Marchenko V. (2002b). Irreversible defeat or temporary crisis? The fiasco of the Israeli left in the 2001 elections in a comparatively historical perspective. *Blizhnii Vostok i sovremennost'*, (13). 190–208.

Epstein A.D., Uritskii M. (2003). Six-day war and modern political dynamics in the Middle East. *Vostok*, 2. 72–84.

Frisch H. (1993). The Druze Minority in the Israeli Military: Traditionalizing an Ethnic Policing Role. *Armed Forces and Society*, 20 (1). 51–67.

Gal R. (1985). Commitment and Obedience in the Military: An Israeli Case Study. *Armed Forces and Society*, 11 (4). 553–564.

Gelber Y. (1991). Ben-Gurion and the Formation of the Israeli Defense Forces, 1947–1948. Zweig R. (ed.). *David Ben-Gurion – Politics and Leadership in Israel*. London: Frank Cass. 193–215.

Gluska A. (2007). *The Israeli Military and the Origins of the 1967 War: Government, Armed Forces and Defense Policy 1963–1967*. London: Routledge. 353.

Harel A, Issacharoff A. (2008). *34 Days: Israel, Hezbollah, and the War in Lebanon*. London: Palgrave Macmillan. 304.

Igal A., Haim G. (2004) *Arab-Israeli wars*. Moskva: izdatel'stvo «AST». 507.

Kanaaneh R.A. (2008). *Surrounded: Palestinian Soldiers in the Israeli Military*. Stanford: Stanford University Press. 224.

Kimmerling B. (1993). Patterns of Milita-

rism in Israel. *European Journal of Sociology*, 34 (2). 196–223.

Laron G. (2017). *The Six-Day War. The Breaking of the Middle East*. New Haven: Yale University Press. 384.

Linn R. (1996). *Conscience at War. The Israeli Soldier as a Moral Critic*. Albany: State University of New-York Press. 262.

Linn R. (2008). Refusal to participate in military actions on moral and moral grounds during the First Lebanon War. Neuberger B., Ben-Amy I., Epstein A.D. (eds.). *National Security and Democracy in Israel*. Vol. 2. Raanana: Otkrytyi universitet Izrailiya. 344–372.

Lissak M. (1998). A Militaristic Society or a Democracy in Uniform. Bar-Tal D., Jacobson D., Klieman A. (eds.). *Security Concerns: Insights from the Israeli Experience*. Stamford: JAI Press. 417–432.

Lissak M. (2007). Features of the relationship between the army and civil authorities in Israel. Neuberger B., Ben-Amy I., Epstein A.D. (eds.). *National Security and Democracy in Israel*. Vol 1. Raanana: Otkrytyi universitet Izrailiya. 233–258.

Luttwak E., Horowitz D. (1975). *The Israeli Army*. New York: Harper & Row. 461.

Peri Y. (1983). *Between Battles and Ballots: Israeli Military in Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 356.

Peri Y. (1984). Party–Military Relations in a Pluralist System. Lissak M. (ed.). *Israeli Society and Its Defense Establishment*. London: Frank Cass. 46–63.

Peri Y. (2006). *Generals in the Cabinet Room: How the Military Shapes Israeli Policy*. Washington: US Institute of Peace Press. 336.

Peri Y. (2014). Intentional Ambiguity: Why Do Crises in Relationships between the Defense Minister and the Chief of Staff Recur Repeatedly? Rosman-Stollman E., Kampinsky A. (eds.). *Civil-Military Relations in Israel*. Lanham, MD: Lexington Books. 195–222.

Perlmutter A. (1969). *Military and Politics in Israel: Nation-Building and Role Expansion*. London: Frank Cass. 161.

Quandt W. B. (1986). *Camp David: Peacemaking and Politics*. Washington: The Brookings Institution. 538.

Richard A. (1985). *Operation Peace for Galilee: The Israeli – PLO War in Lebanon*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 250.

Schanzer J. (2008). *Hamas vs. Fatah: The Struggle for Palestine*. New York: Palgrave Macmillan. 256.

Schiff Z., Ya'ari E. (1984). *Israel's Lebanon War*. New York: Symon and Schuster. 320.

Schulze K. E. (1998). Israeli Crisis Decision-Making in the Lebanon War: Group Madness or Individual Ambition? *Israel Studies*, 3 (2). 215–237.

Sher G. (2006). *Israeli-Palestinian Peace Negotiations, 1999–2001: Within Reach*. London: Routledge. 296.

Vorob'ev V.P. (2002). *Constitutional System of Israel*. Moskva: «Natsional'noe obozrenie». 319.

Информация об авторе

Алек Д. Эпштейн, Департамент социологии, политической науки и коммуникаций, Открытый Университет Израиля

4353701, Израиль, Дерех ха-Университа
Раанана ул., 1
alekdep@gmail.com

About the Author

Alek D. Epstein, Department of Sociology, Political Science and Communication, Open University of Israel

1, Derekh ha-Universita St., Ra'anana, Israel,
4353701
alekdep@gmail.com